

УДК 39
Т 65

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодialectный словарь. Том 1 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-215-2

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-91674-215-2

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

В с. Сара существовал необычный способ выкатывания кознов шаром, который очень близок к играм с яйцами, распространенным на Русском Севере. Для этой игры в снегу утрамбовывали лунку с плоским дном, к которой подходила канавка длиной 2–3 м (*разбег*), постепенно расширявшаяся в сторону лунки. Вдоль канавки и вокруг лунки делали небольшие бортики из снега. По разбегу катили шар, которым старались сбить стоящие в лунке козны. «Вот “в козны” играли. Эта парни. [Зимой], летам нет кознав-та. Вот ат ног-та вот косточки вот такие вот “козны”. Вот эта лунку делали и вот эта били, значит. [Лунку делали] вот эта чтобы не так кидать, а вот па этой лунки, а там “разбег” и стают ишько эти козны, значит, вот в катору пападёшь, выбиши все, а каторы ни пападёшь, он — я! — и сваляцца. Хто сабьёт, а хто нету. [Канавку] ну, наверна, метра два или пабольши, вот так. Ну, уж ни эдак вот, што вот сразу [сбить], а метра два, может, три. А там, значит, паширши, лучши чтобы эта вот шар-та пакатися в лунку. Да. И вот пападай. Все когда выбиши. Да, вот, куды этыт шарик пападёт, а каторый [козан] вот рядом, а ни заденит, прайдёт. Ане там стают вот на таком, может, расстянии [=в ладонь]. Да. Вот прайдёт и ни заденит, а каторый заденит. Вот он идёт, патом павирнёт, куды павирнёт? <...> Или в прамижутак прайдёт ни пападёт, или сшибёт этыт козан там, вот. Значит, тот выиграл он. Выиграл, а этыт мима, значит, всё, другой идёт» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 51].

И.С. Слепцова

КОЛДУН

Колдун — человек, которому приписывается способность магического воздействия на людей и на явления природы (*ворожба*) с целью повлиять на сложившиеся отношения и изменить их баланс в свою пользу. Колдун — это, как правило, гендерно маркированное амплуа (мужчина), хотя в нарративах, описывающих вредоносные магические практики в Ульяновском Присурье, речь может идти и о женщинах-колдуньях (см. *Ворожея*).

В большинстве случаев считается, что действия колдуна имеют негативные последствия и вызывают «порчу» людей, урожая, скота. Реже «свой» колдун может обеспечивать защиту от «чужого» колдуна, безопасность совершаемых обрядовых действий (например, свадьбы) или охрану имущества обратившихся за помощью односельчан. В этих случаях колдун может описываться как позитивный персонаж. «Он такой хороший, всегда апятный, аккуратный, бародка у няво такая красивая. Прям заглиденъя. Ну, в церькву хадил. Эта я вот помню. Сад у няво был хороший, яблаки. И таких яблакав, бывала, в церкву придёт принисёт и давал только детям. Бальшим никаму ни давал. Вот эта я ищо помню, мы ищо хадили с тётей, то он эта мне яблачка дал. Вот он аташёл, а ана мне гаварит: “Доченька, ни бири яблака-та”. Баялись яво. Дамой пришли мы с ней, выкинули эта яблака, ни ели. Ну, всё равно я

взяла. Ну, дитям-та он уж, наверна, ни будит плоха-та делать? Вот паэтаму он дитям и давал» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17 Ульян., № 104].

Существует целый корпус нарративов о том, как становятся колдуном. Неофиты должны преодолеть некие препятствия или пройти через непреодолимые для обычного человека испытания. «“Ани, — гаварят, — вот лягушка растворяйт, — гаварит, — вот такой агненый рот, и вот чириз этыт рот ани, — гаварят, — пралазиют, када учацца калдават”. Эта вот я слыхала, гаварили. Броди, где-та в доми учацца ани. <...> “Па-всякыму, — гаварят, — кувыркаюцца, — гаварят, — лазиют то пад стол, то пад кравать вот, то вот так вот”. И: “Кака-та лягушка вата, как агненый рот, — гаварят, — открывает”. Может, эта врут, ну я слыхала...» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 8-9]. «В лягушку в пôдпали лазили. Вот жаба, — гаварит, — там была. Жаба — эт лягушка. Вот. И ана жила в пôдпали. Ана, гаварит, бальшая! Вот эт, главный, уж и гаварит: “В жабу пралезиши, в ниё туда, прям в рот-та уж. Да. И вот уж тагда каудун будишь. Каудун”. И вот он каудун если, если яму нады каудавать, то нады лезть в эту жабу! “Из этый, — гаварит, — жабы кагда вылизиши, тада будишь каудун. Чириз эту лягушку ыбязательна! Эт тада будишь каудун!” — эт главный, главный уж гаварит» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 18-19].

В качестве ключевого испытания колдуна часто называется нанесение вреда близким родственникам. «А жон у ниво нé была. Была адна жана — перъва. Перъва жана, а вот, видна, всё гаварят, когда принимают эту [=колдовскую силу], то нада каво-та умиртвить сваиво собствинныва. И он иë умиртвил. Да» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 104–111].

Рассказы о колдунах насыщаются конкретными деталями, что повышает их достоверность и степень эмоционального воздействия на слушателя. «Вот у нас тятинька рассказывал: вот один мужик уж, вроди, он пожилой был или какой был — ни знаю, толька нады иму пиридать уж [колдовскую силу]. <...> И вот и говорит [молодому односельчанину]: “Вот, давай я тибя научу, и ты будишь, — мол, — эдык делать!” А учительца-та приходил — на задах был у ниво. Там никто их ни видит, никто их ни слышит. Вот он и говорил. Он, можа, скажит: “Повтори!” — или сделыщица там, можа, чово-та или чово. Никто их ни видит. А потом эту молитву, можа, скажит. <...> Да вот он, грит, жинился, этыт паринь-та. И эта: как двянаццать часов — и от жаны уходит. Ну, и старик уходит в омёт-та — яво там ждёт. Вот. И эти, видна, — мать, свая кровь-та с свёкром-та (ни ёй мать, а яво — и отец, и мать) ни знали, можа. А потом она, сноха-та, говорит: “Он ведь, — грит, — как двянаццать часов, тятинька там, мамынька (бывала, там звали: “тятинька” да “мамынька”), ведь как двянаццать часов, так и уходит. И ни знай куда, — грит, — и где находицца. А потом, — грит, — приходит”. А тут говорили, што, мол, вроди, видили ёво с нём — чово-то он ёму вот [делает]. И вот тут, говорят: “Ну, давайте, — грит, — слидить! Ни спити!” — грит. И вот он, как двянаццать

часов, он встал и собрался. Собрался и отец. А отец уж, наверно, лёг уж готовый: эта покуда собирацца, одивацца — он куда убижит? Тем болие моповёрнулся, и он за нём. И он ведёт-ведёт — и к этому омёту, гыт, подвёл. Ну, он подходит, там старик спрашивавш: “Пришол?” Он грит: “Пришол!” Ну, он там ёво научил, чё-та они там говорили. Стал, видно, из омёту выходит-та. Грит: “Вот, иди и испорти! Вот войдёшь в избу, скажи: Мама! Вот. Она отклиknéцца, то всё, ты иё испортил. А если мать ни отклиknéцца, то, — грит, — говори: Па-ап, там, тять ли! Мать ни отклиknéцца, отца скликни. Если отец отклиknéцца, то всё: ты иво колдуном сделышь или исты, — грит, — жону кликни”. Отец-то у омёта стоял и всё услыхал эта. Вот. Он сына-та опиридиш. Бёг и бёг, пришол и говорит: “Щас он взойдёт в избу, смотрити ни калякайте! Он будит кричать: Мама! Папа! Тибя, — на сноху-та, — ни откликайтесь!” Он когда взошол, и они, грит, ни отклинулись. Да! Он, грит, головёшкой сделысли! Он ни смог сделать-та. Они подслушали, он ни смог» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30].

Колдун может передать свои способности («силу», «знание»). Передача обычно происходит при приближении смерти колдуна (см. еще *Погребение*). Если колдун не передаст свои силу и знания, он будет умирать мучительно и долго. «Калдун, он может умиреть, он быстра может умиреть, но толька если у няо калдавство хто пириймёт. Абязатильна нада пиринять! А если тока ни пириймёшь, у няо ни вазьмёшь эта калдавство, он мучища очинь долга. Он может дажи ницелю тамицца. Но всё-таки всё равно памрёт он! Он памрёт жи, ни биссмертный! Но ани долга ни умирают! И дажи КАН, с. Сухой Карсун; МИА Ф2004-22Ульян., № 4].

В некоторых случаях подчеркивается особый характер обучения колдовству: мужчина передает знания мужчине, а женщина — женщине. «А один паринь пришол из армии и вот ездит и ездит к этой Грушиньки [=колдунье] на лашиде: “Я к тёте Груши, — ну, он пряма говорит. — Я вот у ниё хочу тожи вот каку-то молитву взять!” Вроди, мол, тожи кылдывать или чово-та вот так вот. Ну, а тут говорят [в селе]: “Ничиво у ниё ни полу-чища: здесь толька мужику надо брать у мужика! А у женчины, — гыварят, — женчины. Никак, — грит, — она ёму ни отдаст”. Вот. Она и правда: тут уж она помишаилась. И мучилась она, ни мучилась — она долго тут как-та ни в сибе была» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30].

В корпусе традиционных верований выделяются устойчивые сюжеты, связанные с теми способностями колдунов, которые, по мнению носителей традиции, наиболее ярко подчеркивают их вредоносную сущность. С такого рода сюжетами связано поверье о том, что колдуны могут отнять молоко у коровы (см. *Покупать корову*). «Малако атнимали на хаду! Я ни знаю, какии люди, но атнимали малако, тожи слыхала. Вот свякровь мне часто рассказы-

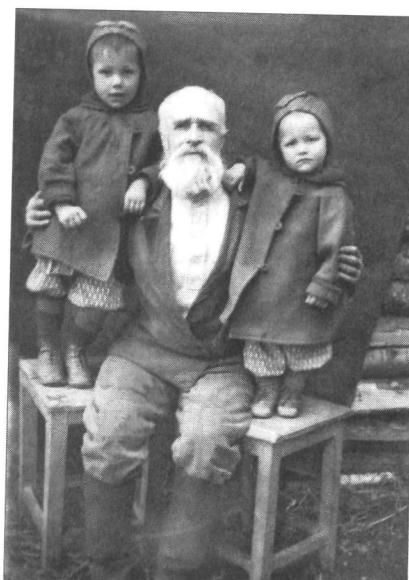
вала. Гаварит, карова была у них больна хароша, видерница. “Прям, — гаварит, — видерница, даила, — гаварит, — в вядро! У них в коннае вядро, — конны-ти вёдра, ани двинаццать литрав были, читырнаццать в них, если с краями, — и вот, — гаварит, — даила. И вдруг, — гаварит, — малако у нас прапала”. Нет и нет малака, нет и нет. Тожи пригласили какова-та старика, какова-та татарина. И он, гаварит, сказал: “Ни будит у вас малака! У вас ано атнятёя малако. Пиридадити в другии руки, будит дайтъ”. Так и сделали. Продали в другоя сяло, Никалаевку, и карова даила. А патом те-та и спрашивают их: “Што, — мол, — вы продали карову-та? Што за причина? Маладая, хароша, дает харашо, никаких признаков нету?” Мы, гаварит, сказали им: “Вот у нас какая была причина. Вот атняли у нас малако”. — “Ну, — гаварит, — а у нас дает, што и даила”. Была такоя. Эта вот свякровь часто рассказывала пра эта дела» [КМД, с. Пятино; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001].

Воздействием колдовства могут объяснять различные болезни и недомогания. «Вот у миня, у матери — десить чилавек ана нас радила, а малака у ней не была. Ни аднаво грудями ни кармила, в рот ни клала сиську. Кармила пузырёчкам толька. Первая радила в триццать шастом гаду мальчишку и стала, вроди, кармить. А он зяват [=кричит] и зяват, и зяват. Раньши-ти в бальницы-ти ни радили, с бабками радили дома. Зяват и зяват. А свякровь, гаварит, была такая шустрая, здаравущая, ана и гаварит: “Наська, эта штойта у тибя рабёнак арёт и арёт? Галодный, наверна?” Ана гаварит: “Ну, штойт-двойя сутак, а галодный? Я кармлю, вроди, яво”. Папробывали — малака-та нету! И сразу начали давать кипячонава малака с вадичкой, разбавляли и кармили. И всех да единава так. Тожи куды-та иё вазили за Сурой. Павизли иё, там был старик, варажил. Он ей сказал: “На первам шагу малако атнятёя, кармить дитеи ни будишь. Ражать будишь, кармить ни будишь”. Вот такоя тожи была. Вот всё эта с маей матирью была. Восимсят лет ей была, ана памярла! За восимсят лет многа будит ведь всяво» [КМД, с. Пятино; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001]. «А тётина, ана вот тут была, он иё испортил. Вот, бывала, стаим в церкви. Вот как начинают с причастием, с дарами выхадить, ана вот арёт ва всю церкву. Дурью прям. И такая у ней сила, мужики иё наслу вытащут из этай, из церкви. Вот эта вот всё прайдёт, ана апять нармальна. Вот как» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 104–111].

Чтобы снять «порчу», необходимо обратиться к другому, более «сильному» колдуну. Он поможет «отворожить» корову, вернет ей молоко, снимет порчу с человека. «Была, была, и многа была! Вот отымут у каво у карови малако. У нас у самих, вот мы жили. Я ище у дивчонках была. Карова хароша была. И вот сам этат Кузьмич, ёо мать, Даря, ана мылако атняла у нас, у карови. Мать гаварит: “Батюшки! Даря, — гаварит, — была, паглидела, и карова-та ни дала малако нонче!” Я гаварю: “Как, мам?” — “Ни дала, — гаварит. — Калдунья была. Значит, ана знат чаво-та”. Ну всё, ана пашла за другой [колдунье]. А та, старуха, из колдунов атвараживала. Ана иё привялá, ана гаварит: “Ну как же! Как же, Марея, — гаварит, — ты-к видишь вот, Дарька

эт сделыла всё! Ана, — гаварит, — атняла у карови-т малако!” Ана гаварит: “А, батюшки! А как жа?” — “Ничёо, — гаварит, — мы сделаимс!” И ана нам хадила иё варажила. Ну, дайт ана чё-т начала апять. И мам апять ни стала иё привечать, Дарью, калдунью. Была, была эт, была дялоб!» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 11].

Доказательством «силы» колдуна считалось совершившееся им «чудо». Это могло быть некое наваждение или виртуальное препятствие на пути

Дедушка из с. Русские Горенки с внуками.
1930-е годы. Личный архив

человека, которому колдун демонстрировал свои возможности (см. *Ворожея, Болящие*). «Вот эта вот праняньку Зиньку тожи ана рассказывала. К ней хадила, значит, маей свяжкови тётка. С ней ани были тожи [подруги], ана была, видна, стара дева, и ана к ней хадила. А иди чириз ключ: там авраг, и ключ тикёт, и мост. И вот ана [=тетка] пашла ат ниё, ана гаварит: “Иди, иди, щас вирнёшься, — эт нянька Зинька ей гаварит. — Иди, иди, щас вирнёшься!” Эта даходит: “Лошади, — гаварит, — стяной! Идут лошади, ни магли, — гаварит, — пратти!” Ана к ней вернулась, гаварит: “Ненька Зинька! Да эт чаво? Эт наверна у миня в глазах ни знай чаво. Вот так и так”. Ана, гаварит: “Ха-ха-ха!” Пасмиялась и ни знай чаво ана сделала, гаварит: “Иди, иди, щас прайдёшь! Ничаво ни будит”. Пашла — никаких лашадей нет, ничаво. И с тех пор, гаварит: “Пфу, на эту падружку, ни пайду больши!” Вот такоя была. Эта тожи свяжковь мне рассказывала» [КМД, с. Пятино; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 4, оп. 12, 2001]. «А тут, если машина едит, и если он выпить захател, и машины вставали. Встанут машины (в Горинки ездили) — и всё! Мама падходит (магазин тут на бугаркé был), падходит, гаварит: “Ну чаво? — а горинских ана знала, горинска жи. — Вы пакупайте ему таперь бутылку, тагда паедите”. Вот адин пашол, гаварит: “Дядя Павил, выпить можна у вас тут, я куплю бутылачку?” — “Да можна”. Ну, выпил, всё, и гаварит, яво угащаит: “Ну, эта тибе, а эта нам, — гаварит, — нильзя пить-та за рулём-та”. Выпил чуть-чуть [шофер]. Ну, и он [=Павел] гаварит: “Иди, иди, иди, щас и паедиши!” И паехали. Две машины у них были, тожи паехали. А так ни завадились. Вот такой он был, да» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 37, 43]. «Вот у нас в Кадышеви <...> дядя Кабанав-та, а у яво тёшша была калдунья. Ну вот. Ана

жила у них паследне время, стáринька была уж. Вот Нюрка рассказывала: “Вот, — гаварит, — мамка пашла к ним, скричал иё хто-т: “Айда-ка, — гаварит, — айда к нам!” — Я глянула, а ана, — гаварит, — вот пы избе, па стянам вот и ходит, кругом пы стянам. Ага. Сама ходит прямая вот пы стянам кругом. Вот тако видение даёт”. Ты думашь, правда што ль ана пы стянам идёт? Вот ана абмарочила — видения. Эта ана вот замарочила иё» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-22Ульян., № 3].

Иногда подобные «чудеса», совершаемые колдуном, расцениваются как насмешка или шутка, направленная, в том числе на близких ему людей. «Рассказывали вот тоже — калдун эт. Сидел дедушка у двара. А из Суховата ехал присидатиль. “И вот, — гаварит, — ни даехал так, ну, шагов пять, — гаварит, — да ниво. И эта лошадь-та, — гаварит, — грох! В упряжки. В растяжки [лежит], — гаварит, — и дым, пар ат ниё. Ну, а присидатиль скачыл с лошади-ти и, — гаварит, — бегат, кричит! Чаво с лошадью-ту сделылась? В растяжку! А этыт, старик вот, — гаварит, — сидит у двара-та. Гаварит: Ни биспакойтесь! Щас вот палижит, палижит и встанет и пайдёт. Ну, едва-т с полчиса ана палижала, встала, — гаварит, — эта лошадь-та и пашла». Шутют, да, шутют. Шутили многа! Ну, вот, калдуны — шутют» [КАН, с. Сухой Карсун; АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-22Ульян., № 7]. «Канешна, делал. Вот у матирей и малако атнимал. Вот если радыт там кто, если што-та, он атымит малако. И у каров атымал. И всё, што угодна, мог сделать. И выличит. Вот, кто яво знает. У нас вот адна тётинька, он иё уж больна любил, он вот на горке живёт, а пад горкой у нас была эта — паласкали бильё, “канава” называицца. Тут вот канава, а па краишкам лавачки. Вот на лавачку вот встаёшь и палошчишь. Если он там стаит на гаре, он иё абизатильна в воду пустит, ана туды упадёт. И стаит улыбацца. “Ну, Андревнушка, вылязай, искупалась! Видь ты всё равно эту юбку-ту будишь паласкать”. Шутник, да» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 104–111]. «Азарава́л, да, азарава́л, над кем ему вздумаицца. Ну, делал, у ниво си́ла была. Ви́шь, как он делал эта: чириз нажи кувырда́лся как-та. Вот чаво тута! Вот всё эдак шутил, гаварят: “Падшуты́вал”, — вот так, гаварят. И волкам пириварачивался, да, и сабакой пириваротицца. И напугат каво. Да, эта всё в шутку у яво была. Нет, и ни талкнёт! Толька што бегат! Бижит, бижит, ну, всё равно напугаит» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 43].

Свои способности колдун использует для охраны своего имущества. «Мне адин старик рассказывал в Кадышеви — он помер. Мы с нём на пажарки работали. Ага. И вот, знашит, он мне рассказывал. У яво двародный брат вот был калдун. Я гаварю: “А вот, дядя Симён, — я гаварю, — ты ни пиринял?” “Меня, — гаварит, — дома не была. Я, — гаварит, — в Потьми пас в эта время-т. А то бы я пиринял у яво эта калдевство”. Ага. А раньше луга-ти делили па сибе всё, калхозав-т не была. И вот все дагаваривались и рядами ставили памётки сваи — “стажкі” ани назывались. И патом складывались, значит, привязали жирздей, кольев, и весь ряд загараживали,

штобы скатина ни разбивала. А патом тут скатина паслась. А он, значит, этат стариц, атдельна ставил. Яму и гаварят: "Андрей Филипич, а ты что эта с народам-ти ни ставишь капёшку-та?" А пра няо эт, вроди, слух был, а ишо ни знали точна-та — вот эт мне дядя Симён-та рассказывал. "Ды у меня, — гаварит, — сена-та плохое, к маему-т стажку никака скатина ни падайдёт. У меня, — гаварит, — асока". Ты знаишь асоку эта-т вот? Вдоль азярёв — эта асока. "У меня, — гаварит, — асока-т и сена-та маленька вот была палуччи, я ёё, — гаварит, — в сирёдку, а вдоль краёв вот асока..." — "Чай, — гаварят, — и у нас эдак, чай уж и у нас!" — "Нету, к маему-та [скатина] ни падайдёт!" Ну и ладна. Патом, значит, прастаял он [=стог] да зими, а зимой яво увязали. И вот эт вот здесь есть Сухой Карсун вот, значит. "Гаршёшники", их так называли — "гаршешники". Ане гаршками ездили таргавали. И вот тада эт гаршешник едит из Сурскава, едит уж поздна. Ага. И вот, значит: "Я в Кадышеви у каво-нить заначую..." И яму хательсь, вроди, синца надёргать лошади — сваи лошади-ти были. Ага. И он, значит, астанавил лошидь на аароги-ти и гаварит: "Ба, вон, — гаварит, — адин разгарожиний. Щас, — гаварит, — пайду надёргаю". А то, вроди, зáгарадь, нада лезть туды, за жерди, в гарадьбу-т. Он падашол, этыт гаршешник, надёргал, значит, сена, вожжи навязал и вязанку-т паднял. Паднял эту вязанку и — асталси тут. Ага. И приастанавилси — больши шагу ни шагнёт. Вот даже шаг вот шагнуть, шаг — и ни может. Ну, акаминéл, акаминел. И стряхнуть ни может. Вот ана, вязанка-та, и сидит ны спине-т у няю, ны гарбу. И вот так вот дёржит. Эт гаршешник гаварит: "Ну, — гаварит, — туды-т тваю мать, папался! — гаварит. — Папался в руки-ти!" Он сразу дагадался, что эт калдун эт сделал. Ну, вот. И всю ночь он прастаял этак, и лошадь никуды ни ушла. Патом он утрам-ти гаварит, этат калдун-т, сыну: "Кузьма, — гаварит, — иди на луга сходи, атпусти. Там, — гаварит, — чилавек, гаршешник, — гаварит, — всю ночь прастаял". Он яво начал ругать этыт Кузьма, сын-та: "Тятька, — гаварит, — как эта нихарашо! Чай, — гаварит, — вязанка ана и вязанка, хмуй сней, вязанкой. В нитóк наклал бы и увёз..." — "Не-ету! Я, — гаварит, — ни из этава! Мне вязанку ни жалка! Он видит-т, что амёт, стажок разгарожиний стает в старане. Он бы вон тока жерздь вытащил адну и сена-та надёргал бы, накидал. Адну жерздь вот. А он видит стог разгарожиний — и туды. Там нечива и делать!" Ну, вот он, значит: "Ни пайду, — гаварит, — тятька! Я атпускаль ни пайду этыва чилавека!" Ну, он: "Чаво жа, — гаварит, — раз уж ни идёшь, то самому нады!" Ну и вот он, этыт калдун, пришол к няму на луга-ти и гыварит: "Стаиши?" — "Стаю! — гаварит, — Прасти, милый чилавек! — "милый чилавек" называет яо. — Прасти, милый чилавек! Больше ат жизни, скока праживу, к чужому стагу, — гаварит, — дажи ни падайду! Горсть сена, ни прутик, — гаварит, — никакой, нигде ни вазьму чужова!" Вот. Он гыварит: "Ты што вон за гырадьбу-т ни палез? Вон, видишь, там загарожина?" "Ни знал, — гаварит, — радимый! — он яво называет апять. Ни знал, мой залатой, радимый, што эта палучицца! Думал, мол,

нады жорстку вытаскивать. А эт я уж вязаначку-т навяжу, мол, и палажу в пúру-т. И пириначу там, в канце Кадышева, спрашусь. И яму корм вот дам, лашадки-ти". Ага. "Ну, — гаварит, — иди! Иди и больши, — гаварит, — сроду ни падхади! Видишь, — гаварит, — [стог] разгарожиний, вот и ни падхади!" — "Я, — гаварит, — друг-недругу закажу, чтобы больши ни пыдхадить к эдыким!" Ага. Ну и он, значит: "Вазьми сена, вазьми!" — "Ни нада!" — он уж напугалси, и сена ни нада. "Вазьми, вазьми, вазьми! Вазьми эта сена и пакормишь лошадь. А то лошадь стает всю ночь галодна". Ага. Ну и он всё-тки взял сена-та, палажил в эт — "пúра" называцца, как вот кашолка, — и увёз. И вот эт гаршешник-та с кадышскими эт уж года чириз два встретилси и гаварит: "Мужуки, там вот, — гаварит, — [что] есть на гаре?" Он гаварит: "Я живу". — "Ахид, — гаварит, — ... яво мать, живёт там, ни дна бы ни крыши яму?" — ага. Эта он Ахид, яво прозвишишшу. А яво звали Андрей. — Живой, ишо што ли?" — "Чей? Нет, помер". — "Давно бы яму ба! Всю ночь, — гаварит, — прастаял с вязанкой!" Ну, как? Вот какие были люди!..» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-21Ульян., № 101; МИА Ф2004-22Ульян., № 1].

Иногда колдун мог выступать в роли знахаря: к нему обращались в случае болезни. «Ой, он ужасна был сильный, ужасна сильный, сильный! Я лична сама вот к няму хадила. Ну, эта дивчонкай — мне, помню, зубы балели. Иду с рёвам. У няво тут, эта вот шастóк, и манинькая вот такая скамеичка: "Садись, милинькая, садись!" Видь стáры-ти всё эдак: "милинькой" да "сладкой". Рявú ни знаю как! "Ни плачь, мая сладкая, сичас, сичас я тибе луку..." Чаво он тут пашиптал? И эту лúкавку ка мне на зуб палажил. И я прям там и уснула у няво. И больши он ни балел! Выличил, всё вот крошками [зуб выпал], крошками, и нисколька ни балел. Сильный был дедушка. Царство яму нибеснае» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 104–111].

Необычные способности колдунов проявляются в их особых отношениях с мифологическими персонажами: например, по рассказам, некоторые колдуны могут останавливать «летунов» (см.). «У нас здесь вот был вот адин, вот он умер. Он с двиниццатыба или с чтырнинццатыба года был ли — Аляксандэр Иваныч Сызранцев. Мы были девачками, жили на адной улицы, только мы туды, в канец, к Арапывки жили, а он сюды маненъка к сиридини. А раньши эта хадили калатушили [=колотили бельё]. Мы сидели, значит, и литит вот, как красный шар, и хвост. А он гаварит: "Вот, щас я пайду истанавлю!" Он истанавил яво и с нём стал разгаваривать. Ага. А мы сидим все у двара, все напугались, прижались к друг к дружки. Пагаварил он с нём, а время-та уж, яму нада ухадить. Он гаварит: "Пусти миня! Мне уж время-та вышла". А он гаварит: "Больши ни хади! Если будишь ишё прилятать сюды — разбьёшьси!" — вроди таво. Вот. Он пришол, мы гаварим: "Дядя Сань, — ну, мы яво дядей Саней звали, — кто ета был?" А он гаварит: "Эта Панька Тирэнтыв прилятал, — грит, — к тёти Вери Тирэнтывай". Я гаварю: "Да Панька-ти у ней умир где? На Дальним Вастоки!" —

“А всё равно, — гаварит, — вот паявили. Я, — гаварит, — яво истанавил и запритил яму”. Астанавливали, разгаваривали с пакойниками, эта была» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14]. Колдун знал особые — заговорные — слова, которые он не имел права разглашать другим. «Если расскажишь, то ни будет пользы» [ТАИ, с. Аркаево; СЕВ Ф2010-8].

В традиционном обиходе к помощи колдунов прибегали при разрешении конфликтов, для врачевания недугов, которые возникли в результате «порчи», в целях защиты от воздействия природных стихий, от вмешательства других колдунов (см. еще *Ворожея*). Наиболее упоминаемым случаем использования колдунов в семейной обрядности, является их присутствие на свадьбе (см.). «Колдуна-то на свадьбу первым гостем приглашали, под образа сажали. Боялись их больно: могли и портить, и скотину отравляли» [КВА, с. Княжуха; ТГВ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981]. «Вот в Сасновки гуляли. Эта гадов, наверна уж <...> все сорак. И вот мы, значыт, гуляли — я прасватаивал дваюрадну сястру туды. И у меня там дваюрадный брат — там и мать яво жила, и щас две сястры ишши там живут. Ага. И вот мы сели, значыт, за стол — все сидели мы, все гости у жениха, к жиниху пришли. Ага. Сват вышал, значыт, средь избы и начыл абъивление давать. Эт свёкар — у няво-т сястра выходит замуж. Ага. Гыварит: “Таваришши сродники, давайти правидём кампанья, чтобы люди завидывали. Штобы никакех причудав у миня в даму не была”. Ага. А тут двое сидят, значыт, в старане. “Нету, нету, ни будит никакех причудав!” — ане гаварят. А мы с Иванам-ти вместе сидели — эта брат он дваюрадный, яво Иванам звать. Я гаварю: “Иван, эта он зачем жа вот абъивляйт, чтобы никаких причудав, так, чтобы никто ничао ни смиляись, чтобы всё па-нармальному?” — “Эт, — гаварит, — калдун! Ане, — гаварит, — оба калдуны!” Я гаварю: “А чао ани, какую афёру ани сделают?” — “Ане вот щас, — гаварит, — или жениха, или нивесту, или тибя, вот ты сидиш, вот на тибя, — гаварит, — сделают. Штаны скинишь, всё разганишасся, будиш плясать. Напляшивися, напляшивися, — гаварит, — штаны наденишь, брюки апять наденишь и сядиш за стол, и апять тибе будут паднастить выпивать. Спроси тибя, скажут: Вот ты был едри-т! — Да штоб и я эт сделыл? И ничао ни помнишь”. Вот так да, да, да. И вот и щас вот эт Сасновка на первым мести пы калдунам-ти. И щас там, видна, этый хряновинай-т занимающца. Ани эт пиридают друг дружки!» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-22Ульян., № 8—9].

Присутствующий на свадьбе колдун способен не только сорвать обряд, но и испортить будущую семью (см. *К венцу ехать*). «Калдавство. Эта вот тада вот этих, маладых тока выводят. Тока выйихали вот из варот — раньше-ши-ти вить были ны лышадях, с калакалами! А был как старик колдун. Первыми дружка с палдружкой выехали, патом маладые. Дружка с палдружкой всё-тки аны уехали. А маладцы стали выиижжать — жирибец был, на жирибцах! — сразу вот этыт жирибец в варатах упал и сдох. Малады астались в санях. Ну, что? Ну, свадьба-т прадалжалась тада, а жить-та им

была плоха. Жизни никакой йим не была. Ани плоха жили, муж с жаной, он им сделал...» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 7]. «Вот, примерна, эти вот калдуны. Щас вот сабирают маладых. Щас на машинах на лигкавых, а раньши, значыт, ны лышидяx. Самых хароших лышдей парами запрягали. И вот нивесту сабирают, и ва дваре ани садяцца, знашит, с жинихом на павозки. Вот. И варата атваряют и выйижжают. И вот, значыт, эт сабрали к увала, наридили нивесту и яво, значыт, каством он надел, эт нарижонай. «Айда, садитись!» Пысадили, аткрыли варата — лошади ни идут. Ни идут, да и всё! Ни идут. И так, и сяк, и за-пад узцы, и па всяки — ни идут лошади! Чаво делать-ты? А раньши на агарбд была калитка. Вот задней дверью через гарод выйижжают, а патом уж в улицу. «И там, — гаварят, — вот он закалдавал, эт калдун. Ни пайдут ни адна лошидь!» Вот. То и там, в заднюю дверь, значыт, ни выйдишь. Да тех пор, када уж он атпустит. Вот атпустит, знашит, и уж в калитку выйидут лошади-ти. Вот так вот!» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-22Ульян., № 8].

Поэтому колдуна старались не пустить на свадьбу. «Ну, старики уж были, старинький уж был, старинький. Интиресный был, да. <...> Когда свадьбу начинают играть, яво запирали в баню. Баню там ему истопают и закрывали. Все три дня закрытый в бане спал, ни выпускали. А то вот он ни даст маладым жить, ане разайдуща» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян, № 43].

Колдун может испортить молодых, даже если является их родственником. «У нас адин задумал жаницца. А у нёо хрёстный был калдун. Ну, вот на запой, запой был — тут призывают и хрёстных. Хрёстных призывают. И он яму тока пахлопал вот пы пличу. И адно гаварит: “Сынок, хрестничик, женисся?” — пы пличу. И с ём сразу сделалась. И ён ни жинился... год целый патом. “Запили”, а жиницца-ти вот. Ездили, ездили па варажийм, ездили па варажийм, и ничё яво ни выличили. Патом он жинилси. Жинилси. Дваих дитеи ани родили тада, двоя у них была. Взяли яво в армию, и с нём в армии случилась эта, с галавой у няо случилась. Яво паслали в камандировку, и он зашол в стару уборну и застрилиси там. Вот. Пагиб. Ат хрёстнава пагиб. Ани, калдуны-ти, как? Ани этак. Он любит и тибя испортит. Вот любит и испортит. Вот так» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 7, 8].

Мотивация подобных действий может быть разной — от мести за причиненную обиду (например, за то, что его не пригласили на свадьбу) до желания продемонстрировать свою «силу». «Ну, у нас калдун был, свой. Зюзюкин Павил Иваныч. Эта вот настоящий калдун. Он всё мог сделать. И выли- чить может, и испортить может. Вот, бывала, с пастелями ездиют, на лаша- дях видь ездят, сичас вот на машине, вот первая тройка едет, эта только едут девачки с зеркалом. Если да яво дома даехали, все встанут кони — и на дыбы! Ни с места! Ну, пайдут: “Павил Иваныч, ну, пусти!” — “С Богам!” И апять все паедут» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 111].

В контексте календарной обрядности колдуны чаще всего упоминаются в связи с оборотничеством (см. *Святыки, Оборотень*). «Да-а, может. Можит

и в кошку, может в сабаку. У нас вот адна была женщина — вот умярла, тожи умярла. Снаху тада ана испортила. Нихароша была. А магазин у нас вот был вот на праулки — яво щас нет. И председатель калхоза — яво тожа нет, все паумерли. И ана обратилась этай, сабачонкай чёрнинькай. “Бегат и бегат, — гварит, — бегат и бегат, па акошкам бегат, па акошкам бегат”. А он знал, что ана эт калдунья. “Эт, — гварит, — ана бегат! Я, — гварит, — иё паймаю!” Он иё паймал. Паймал и атрезал ей уши. Атрезал ей уши, и ана долга хварала, очинь долга! И пиристала бегать. А вот бегала ана. Ани делаюцца как-т кошкими, сабакими. Делаюцца как-т вот калдун-та он. Вот как он делаюцца? А Бог их знает, ани как?» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 8]. «У нас толька вот пириварачивался мужчина, как свинья. Эта вот точна. Да, свиньёй пириварачивался. А то бривном сделанца. Мамина дываорадная систра жила у них в снахах. А мужа-та убили, а у ней девачка асталась. Вот адна жила. А он выйдет, ну, ана гварит: “Куды уходит, и ни знаю”. Адин раз мы шли вот са святков, а за нами бривно катицца, па на-гам-та. А мы кричим, дивчонки! А с нами женщина была ишо, ана кричит: “Дядя Павил, ты матряй ни пугай дивчонков, хватит, виртайся!” То сабакай нарядицца, то волкам. Мама адин раз — волкам наридицца — сидела на этом, на маству-та. Мост видъ там чириз речку-та у нас. Вот он такой был» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 37, 43].

Калдун использовал превращение, чтобы запугать неугодных ему людей или выразить недовольство их действиями. «Калдуны были! У нас многа их была, пално была. Карбай превращались, и лошадью превращались, и этим, и быком превращались! Па всяки, па всяки. У нас пално была калдунов-ти. Чай и сичас, чай, ишо есть. Вот у нас тут нидалёка, на той улицы была. Вот у ней был сын, Мишай звали. <...> А Миша-та взял женшину, желат он учительницу. И вот ана — эт яво мать — её ни хатела. И ана вышла на двор ат яво, баба, ево свяжровь-та. И стант там карова — страшна карова! И жүёт сена. А у них каровы нет. У них каровы нет. Ана как напугалась! И бигёт: “Миша, Миша, у нас на дваре-ти кака карова! Батюшки! А иди-ка, иди-ка!” А ана уж там убегла. А эт мать, эт мать яво. О-о-й!» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 15, 16]. «Кошками нарижались, свиньёй нарижались, лышидями нарижались. Эт вот када-т иш в детстви я... Мы вот где жили, а в саседях мамина тётка жила. И вот ана рассказывала пра старинна-та время. Вот мами маей атец, ани жили в Кадышиви-ти на каньце туда, к каньцу, на краю. Ну и вот, он где-та был, идёт, и вот ана, свинья што ли, лошадь ли, бижала за нём. Вот он вбижал в сени-ти, атварил, прям чуть парог ни пиришол и упал — так бижал. Эт, чай, раньши-ти, как сказать, лукавы были, а щас все лукавы. Щас каво страшшать-т? Щас народ вот больше знат лукавых. А тагда были тимната! Диривенцина!» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-21Ульян., № 100].

Калдуна могут видеть в образе различных животных (лошадь, собака, свинья, птица) в том случае, когда он направляется к сообщникам, «нечистым» (см.

Сабуров колодеи). «И ишо ана лошадью нарижалась... А адн хадил с нивестай. Ну вот, а нивеста — та уже была на большой дароги. Ну а он сам тут вот, на улице жил. “И вот, — гварит, — сидим на крыльце, и ана наридилась на дваре-ти, и вот бигёт, — гварит, — на ней вот всё сияёт, — гварит, — сияёт, как эт так сигает лошадью, лошадью. Вот этак на ней, — гварит, — вся адёга-т сияет!” Я гварю: “Хароша-т на ней адёга-та!” Сбруя, сбруя! Да. “А мы, — гварит, — втрашчыли глаза и куда нам бижать, и ни знаим куды нам бижать! Батюшки! — гварит, — нонче вить свет какой-та!” А ани там уж с этай бабай-та рядом [сидели]. Рядам прямая» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 17].

Важная роль колдунов в традиционном повседневном и праздничном быту, постоянные опасения их вмешательства и возможность «порчи» делали актуальной необходимость опознания колдуна. Наиболее надежным средством выявления и обезвреживания колдуна была молитва. «Знаешь, ешо чё расскажу Вам? [Мой атец], он малилси Богу, он читал! “На свадьбу вот, — гваряят, — када пайдёшь, ага, вот калдун же. Ну он так-то эт калдун, а люди-т ище эт ни знали! Ну, вот [атец] заставит яо плясать, и он пляшит, а он малитву чытает. И пляшит, — на свадьби — пляшит, — гварит, — и пляшит, и пляшит...” А он скажит: “Да Пятеров, — яво Тимафей Пятеров звапляшит, и пляшит...” А он скажит: “Да Пятеров, — яво Тимафей Пятеров звапляшит, я устал!” — “Давай, — гварит, — давай ишшо!” Он ишшо! «Взапрéйт, — гварит, — весь!” Ну и бросит он [=отец], атпустил уж. Вот эт он плясал. Калдун» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 20].

Иногда в качестве особой приметы колдуна называется его взгляд исподлобья, неспособность глядеть прямо в глаза человеку. «Ана [=калдунья-односельчанка] вот примерна глаза в глаза глидеть ни может... Вот взгля-дым с ней встретишься — ана всё время атварачивалась. Вот так хадила [показывает: боком, взгляд искоса]» [ПЛА, с. Лава; СЕВ Ф2009-10].

Наиболее распространенным способом определения колдуна было нанесение емуувечий, когда он находился в облике оборотня, чтобы затем найти его по этим ранам. «Ну эта жи уж ни ат Бога. Я ни знаю, ат каво эта нарижают? Эт калдуны. Ну, лавили, гваряят, их, лавили. Адна нарижалась свиньёй, што ли? Свиньёй нарижалась. А сын-та парнем был. И воты слухи-т были, што мать нарижацца-т. Да. И вот он, как уж там, я ни знаю, он ей уха атрезал. Ага. Уха атрезал. Ну вот ана всё время хадила завязана, ни паказывала. <...> Ночью нарижались ани. Када, им, наверна, требувацца. Вот женшина падна кошкай нарижалась, тут вот, где мы жили. А у ней плимянник был, парень. Ну, посли вайны уж он, с вайны пришол. И вот он с адной дивчонкой атружил. Или ей ни нравилась ана? И вот ане тут на адном крыльце — вить дружил. Ана вайны уж избил иё!» А ана вот всё време-ли сын? «Хварала ана, — гварит, — больна уж избил иё!” А ана вот всё време-ли — вот Иван-та рассказывал: “Мы, — гварит, — идём, бывала, с улицы с

села туда, в канец, и вот и ана бежит. И вот иё тагда хто-т пумал и избил иё» [АПА, АМИ, с. Кадышево; МИА Ф2004-21Ульян., № 100].

Еще один способ — лишить оборотня возможности вновь обрести человеческий облик. «Он свиньёй пиривирулся, а у нево клетушка была там, ни запир он иё. Вот мамина дваюрадная систра, взяла да кинула все читыри нажа в калодиц. А калодиц-та глубокай, метрав семь может быть. Ана туды и пакидала нажи-та, дак там нада их даставать. Ну вот. Патом ана [=мамина систра] бижит, гаварит: “Настя, ты знаишь чаво?” — “Чаво?” — “Я вот пакидала все нажи, а он лижит свиньёй у двара, у крыльца”. Ана гаварит: “Ба, ты што, Окся! Разви так можна? Как, — гаварит, — он будит таперь?” — “Ну и пусть яво. Он што всех людей пугат?” Да. Ну, чаво? Мама пришла, гаварит: “Ба, дядя Павил, чаво ана над табой сделала!” А у нево слёзы тикиут, у свинье-та. Да. Ана [=мама] гаварит: “Ну давай, чаво? Нада в калодиц каво-та спускать”. Сабрала рабитишкав маладых, и ане дастали нажи-та. Мама туды пашла, в эту в клетушку, ана гаварит: “Ну какой ножик ставит?” А он: “Пфу”. Вот так. Ана тут паставила, тут паставила — пириваратился! Он и гаварит: “Ой, Настинька, какое спасиба тибе! Так бы я и лижал свиньёй!” Вот такой был чилавек...» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-04Ульян., № 43].

Самым верным признаком колдовской природы человека является то, как он умирает (см. *Погребение*). Колдуны умирают трудно, их агония длительные действия. «Вот у нас адин умирал калдун — Кузьмич. Никак ни умрёт! Вот и забивали пыд канёк клини. И мать у него была калдунья! Тада умерла ана. “Пыд канёк, — гаварит, — клини забивают”. Да-а! Вот ана калдунья была» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 8]. «А уж вот он как умирал, всё, — гаварят, — нада канёк падымат или чо...» [ПЕВ, с. Лава; СИС Ф2009-17Ульян., № 111]. «Он [=калдун] жил тут где-та у нас на этом: ну, он был вроди жулик или кто ли — иво паймали на Иванькиви. И вот иво так мучыли, так мучыли, так над нём издивались: ни магли иво никак смерти придать. А уж он в конце-та и говорит: “Ни мучайти миня и сами ни мучайтись: навалити на миня бривно — и я сразу умру!” И вот так сделали — и он тут же умир. Да. Эта вот один случай» [БЗИ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-12].

При выносе колдуна из дома часто наблюдаются различные природные аномалии. Это свидетельствует о принадлежности умирающего к миру демонического и «нечистого». «Толька вынисли вот иё [=старуху калдунью] — ище ни вынасили, а падняли иё вынастить. И вот падняли вихирь — вихирь вот так вот, вот тако вот! Мы все пакачнули, все вот така. А, батюшки вот! Вот хто-т чаво-т сделал! Или ана была, чаво знала, или хто-т падшут. Тиха было так, тиха, жара была, тиха. И ат科尔 вот? Па дароге — у нас шассейка там, и сразу вихирь паднял, вот, где вышли мы на ровна-ти. И он так вот завярнул вот, где вот, к нихыму, к выратам-та и ак рассыпался. Мы тут ужахнулись все. Ни знаю, эт ана чаво знала, ни знай хто чаво падшут. Вот Бог яво знает чао! <...> Вихирь — ета плоха! Тут, чёо? Тока малитву

прачитай: “Ва имя Атца и Сына, Святова Духа, аминь, аминь, аминь!” И всё, и он пропадайт» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 12].

Важным было умение защититься от колдуна. Распространенным апотропейным средством считались чеснок, лук, а также кукиш (последний колдуна открыто не демонстрировали). «Их сбывали. Пайдёт ана [=калдунья] вот в бальнице — лижала в бальницы. И я лижала в бальницы. А им нада бы в карман лук! Ани баяцца луку! Ну вот. А я им сказала там всем медичкам-ти: “Бывают, — гаварят, — калдуны!” Ани там луку накладут, ани [=медсестры] уж луку ни баяцца, а ана луку-ту баяцца! Ананичаво ни скажет! А ана баяцца луку-ту. Вот» [РГТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-10Ульян., № 20]. «Всё говорят: вот так вот надо палиц, когда колдун идёт, вот так вот вроди [показывает]: складывает «двойной» кукиш — большой палец между указательным и средним, мизинец — между средним и безымянным]. Вот так вот, да, — чириз один пальчик. “Вот, мыл, иди”. Я говорю: “Ну, эта хорошо, если ты идёшь так, а если ты чово нисёшь? Он [=кукиш] мешает идти-та!”» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30].

В повседневном обиходе для выявления колдуна и избавления от него частото употребляли простейшие магические приемы. Если среди гостей оказывался человек, подозреваемый в колдовстве, переворачивали мебель или утварь в доме. Тогда, по поверьям, он лишался возможности покинуть дом или, наоборот, был вынужден его покинуть. «Вот расскажу, эта са мной был случай. Эт была дела на Паску. У нёо вот [=сына ЛНИ] Федя, младший брат, был манинъкий, в зыбачки качалси. На Паску. А сам сидел, чытал книжку за столом. А я настрияпала пирагов, ватрушк — ну, на Паску, Паска ана. Вот. К нам вот эт Кузьмич, он дружил с нашим-та. Он к нам хадил. А, ну, всё наше вымыта, всё чиста, а он идёт в валяных сапагах. Я гаварю: “Вон Кузьмич идёт в валяных сапагах, — я гаварю, — я яво щас ни пущу!” А сам [=сын ЛНИ] гаварит: “Ты что! Пускай зайдёт!” Я гаварю: “Ну, ладна, — я гаварю, — я яму щас сделаю!” Я из кухни, занавеску вот так из кухни, ни пыкалась я яму. Я — ухват вить вот теста чистим вот, квашню, — так, вверых. Галик — веник — апять верьхам всё. Он замяталси. Замяталси, замятался пы избе: и так, и так, и так, и сяя. Пыд зынавеску-ты вот так открыл: “Вот, — гаварит, — сволачь ты етака! — на Пыд зынавеску-ты вот так открыл: “Вот, — гаварит, — сволачь ты етыка!”. И-и, и ударили, и ушо! Сам миня. — Вот, — гаварит, — сволачь ты етыка!”. И-и, и ударили, и ушо! Сам гаварит: “Чёо ты наделала над ним?” Я гаварю: “Ничаво! — я гаварю. — Вот толька так...” Он гаварит: “Вот паразит! Он, пахоже, правда калдун! — Ага! — Пахоже, — гаварит, — правда калдун, убижал!” Я гаварю: “Иди с этый каракай — он ни калдун! — Я, мол, — ни дружти ты с нём!” — “Ни баюсь, — гаварит, — я яю! Матряй, мам!” А ён с нём дружил. Как чуть — идёт к нам. Я гаварю: “Вон, о, ви-Матряй, мам!” И больши ни хадил. И ни навредил ничао. Я и иду диши, калдун как пабижал! И больши ни хадил. Я гаварю: “Вон, о, ви-Матряй, мам!” И больши ни хадил. Я гаварю: “О, калдун баяцца миня!”» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-18Ульян., № 10].

И.А.Морозов, Е.В. Сафонов